Критика

София и Кант

***Круглов А.Н.* Философия Канта в России в конце XVIII — первой половине XIX веков. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009. — 568 с.**

Если бы сегодня кому-нибудь пришло в голову провести рейтинговый опрос, какого философа у нас знают лучше всего, думаю, первое место было бы за Кантом. Шутка ли — единственный из великих европейских философов, кроме сомнительного Анахарсиса, связанный с Россией при жизни, а последние полвека — и в посмертном модусе. (Лично наблюдал в Калининграде, как новобрачные прибывали на могилу философа с целью букетовозложения, что особенно трогательно, учитывая специфические взгляды философа на семейную жизнь.)

Само отношение к Канту в России, пройдя периоды относительной безвестности в XIX веке, любви-ненависти в начале XX века и третирования за «идеализм» в марксистской философии, вступило в наиболее позитивный, даже несколько мемориальный этап. Критиковать Канта стало плохим тоном; почтительное цитирование — приветствуется. Не остались без внимания и интимные стороны личности философа: «Алетейя» выпустила книжку А. Пикуровской с «демистификацией личности Канта» (до того автор успела «демистифицировать» Достоевского), «Иностранка» публикует русский перевод романа Х. де Хуана о повседневной жизни Канта, увиденной глазами его слуги Лампе...

Зато более чем скудно выглядят собственно философские публикации о великом кенигсбержце. Вообще, судя по динамике выхода посвященных Канту публикаций на русском (список приведен Н.В. Мотрошиловой в первом томе двуязычного собрания сочинений), «кантоведческий» всплеск пришелся на 1957–1977 годы, когда число работ, долго не превышавшее 13–18 в год, взлетело до 147. После чего начинается спад, продолжающийся, похоже, по сей день: за 2010 год, если

верить электронному каталогу РГБ, вышло пять крупных отечественных исследований о Канте (для сравнения, в 1987 году таковых было 23). На этом фоне монография Алексея Круглова — редкое и обнадеживающее исключение. Конечно, темой проникновения и рецепции философии Канта в России занимались и прежде (А. Гулыга, А. Абрамов, З. Каменский), но при всем уважении к труду ученых следует признать — по степени разработанности, фактологической полноте и широте охвата книга Круглова оставляет далеко позади все известные работы по данной теме. Библиография книги насчитывает 725 источников, в том числе редких и архивных (и это исключая сочинения самого Канта), и 454 цитируемых и упоминаемых исследования — в основном на русском и немецком.

Вся монография написана добротно: чувствуется стремление автора не пропустить ни один сюжет, персоналию или публикацию — ничего, что так или иначе было бы связано с восприятием Канта мыслящей и читающей Россией изучаемой эпохи. Убедительно, буквально шаг за шагом прослежен каждый этап знакомства публики с философом. «Первая волна» имела место еще при жизни Канта: в Россию прибыли немецкие профессора, прежде всего Мельман и Шаден, читавшие кантовские «Критики», Рубан перевел на русский «Основоположения к метафизике нравов», восторженный отзыв Кант получил от Карамзина в его «Записках русского путешественника» — своего рода интеллектуальном бестселлере того времени. Затем, в начале XIX века, несмотря на деятельность ряда немецких профессоров, находившихся под определенным влиянием Канта, интерес к его философии заметно спадает: работы не переводятся, статьи о нем почти не печатаются, зато появляется первая поверхностно-полемическая критика. В 1810-е интерес к Канту несколько возрастает — отчасти в результате деятельности молодых русских профессоров Куницына, Галича и Солнцева. Однако в результате «реформ» Магницкого и Рунича их деятельность была пресечена, а интеллектуальная мода на Шеллинга (как в 1830–1840-е — на Гегеля) оттесняет фигуру Канта на второй план.

В 1820-е годы, отмечает Круглов, «наряду с такими мыслителями, как Андросов или Скворцов, читавшими Канта в оригинале и глубоко проникшими в суть кантовских рассуждений, имелись люди, подобные Булгарину, вовсе не знакомому с самими сочинениями философа ни на русском, ни на немецком языках, но высказывавшему в его адрес критику со слов других. И вторая группа была, судя по всему, более многочисленной» (с. 489). Ну, так эта группа во все времена более многочисленна. Заслуживают интереса и выводы автора об особенностях рецепции идей Канта в академической среде. В Харьковском университете больше интересовались кантовской метафизикой и проблемой антиномий, в Казани — этикой и философией права, в Московском университете — эстетическим учением Канта. Петербургский университет отличался наиболее враждебным отношением к кантовской философии,

тогда как Киевский университет занимал более сдержанную и беспристрастную позицию. Внимание в книге уделено и вопросу преподавания философии Канта в русских духовных академиях — Петербургской, Московской и Киевской.

В целом, книга содержит значительные сведения не только по «русской кантиане», но и по истории отечественной мысли конца XVIII — первой половины XIX веков. Несмотря на гомеопатический тираж (800 экземпляров), монография, уверен, станет справочным пособием для любого исследователя русской философии.

Теперь традиционный для жанра рецензии минорный аккорд: о недостатках. Было бы естественно ожидать от автора, предпринявшего столь серьезное исследование, более основательного отношения к методологии. Пусть само это слово в приличном обществе сегодня почти не произносят, а соответствующие главки диссертаций превратились в формальную отписку, но оставив неотрефлексированными методологические принципы своей работы, Круглов порой с трудом справляется с обилием исторической фактологии, за которой, как за деревьями, теряется философский лес. Прежде всего, под философией Канта в книге почему-то понимается просто все, что так или иначе было связано с именем немецкого мыслителя. Конечно, вопрос, преподавал ли Кант русским офицерам математику и фортификацию и кому именно, не лишен интереса, — но насколько это связано с проникновением кантовской философии в Россию? Стоило ли на протяжении нескольких страниц, с половодьем сносок и экскурсами в историю масонских лож, выяснять, мог ли молодой Суворов посещать эти занятия? Круглов приводит свидетельство (скорее, анекдотическое), что Суворов как-то заметил: «Кант сказал: “Каждый француз есть природный танцмейстер”» (с. 21). Как говаривал гоголевский персонаж, «оно конечно, Александр Македонский герой», но серьезно рассматривать Суворова и русское офицерство того времени в контексте истории восприятия философии Канта в России можно лишь при очень приблизительном представлении о распространении философских идей.

При этом автор часто проходит мимо тех каналов, по которым философия Канта действительно попадала в Россию. Прежде всего, конечно, это книги и журналы. Круглов неоднократно сетует, что Кант в тот период мало переводился на русский. Но для чего нужны были переводы, когда образованная элита свободно читала на европейских языках, включая древние? Что говорить о Канте, если Платон — наиболее читаемый, а в 1820–1830-е даже настоятельно рекомендуемый к чтению в университетах и духовных академиях, — до 1840-х почти не переводился? Так что в случае Канта следует обращать внимание не столько на переводы — точнее, их отсутствие, — сколько на то, какое место его работы занимали в круге чтения интеллектуальной элиты. Для этого требуется просмотреть сохранившиеся описи библиотек того времени, включая домашние (например, в библиотеках Пушкина и Жуковского, далеко не

философов, имелись и сочинения самого Канта, и изложения его философии — естественно, на французском и немецком). В монографии эта работа намечена лишь в самом грубом приближении. Проигнорирован, увы, и такой важный эпизод знакомства русской интеллектуальной элиты с Кантом в 1810–1830-е годы, как книга Анны де Сталь «О Германии», в которой Канту была посвящена отдельная большая глава; читали эту книгу, разумеется, тоже на французском — полный русский перевод отсутствует по сей день.

Второй канал проникновения — учебные институты. Институциональный подход пока не прижился в отечественной истории философии, и то, что автор рассматривает роль каждого из университетов в распространении философии Канта в России, можно было бы только приветствовать. Однако складывается впечатление, что собственно институциональный аспект (репутация университета, характер отношений между студентами и преподавателями, место философии в системе дисциплин, доступность соответствующей литературы, существование студенческих обществ и т. д.) не сильно интересует автора. Похоже, что автору просто показалось удобным именно так — по университетам — группировать персоналии, так или иначе упоминавшие Канта или испытавшие его влияние.

При таком чисто формальном делении возникает неизбежная путаница. Во-первых, в число персоналий включены как профессора, так и студенты названных университетов (те, кто стали затем философами, либо заметными фигурами интеллектуальной жизни), и в случае студентов чаще всего остается неясно, было ли их знакомство с Кантом связано с посещением университетских лекций или же нет. Во-вторых, сам выбор персоналий, отнесенных Кругловым к университетам, точен далеко не всегда. Так, в разделе «Московский университет» фигурирует приснопамятный Ф. Булгарин, не бывший, как известно, ни преподавателем, ни студентом этого заведения; но не упомянуты преподававшие в университете — и прекрасно знакомые с философией Канта — А.Ф. Мерзляков, М.П. Погодин и В.С. Печерин (последнего Круглов упоминает — вскользь, в сноске, — но почему-то в разделе «Харьковский университет»). В главке, посвященной Дерптскому университету (с. 282–284), Круглов выделяет имена И.В. Краузе, Ф.Д. Ленца и А.С. Кайсарова, но, похоже, только для того, чтобы указать на *отсутствие* свидетельств их увлечения философией Канта. Неужели никакого влияния Канта в Дерпте не было? Но в 1820–1830 годы там преподавал почему-то не названный автором В.М. Перевощиков, который был знаком с философией Канта, хотя и отзывался о ней критически. Подвизался в Дерпте профессором словесности литератор А.Ф. Воейков, — отрывок из его сатиры «Дом сумасшедших» («Кантом бредят даже дети») сам Круглов приводит в другом месте (с. 276). И, думается, «бредили» студенты Кантом в Дерпте изрядно — именно к первым годам обучения здесь Н. Языкова относят-

ся его «Песни», герой которых «проснувшись вместе с петухом, // ...в тишине читает Канта». Тогда же в одном из писем студент Языков просит родных прислать ему сочинение по экономике Л. Якоба — одного из известных последователей Канта.

Не вполне удачным представляется и само группирование материала по университетам и духовным академиям. Университетское образование в тот период еще не играло в России той роли, которую приобретет во второй половине XIX века. Большинство университетов только возникло (в старейшем же, Московском, кафедра философии до 1863 года отсутствовала); значительная часть русской элиты училась — и знакомилась с философией — не в университетах, а в лицеях, корпусах и пансионах, ездила учиться в Европу или же получала домашнее образование, зачастую не уступавшее университетскому. К тому же многие профессора переходили из одного учебного заведения в другое, пользовались разной степенью влияния — как среди коллег, так и среди студентов; да и разные университеты также обладали разным весом и, соответственно, различным влиянием на рецепцию кантианства в России.

Вообще, в отличие от добротно собранного материала, его группировка по главам выглядит порой случайной и непродуманной. Например, перечень кантовских рукописей, хранящихся в России, помещен не в предисловии, где ему самое место (тогда, правда, следовало бы написать хотя бы краткий обзор источников — совсем не лишний, учитывая их количество), а в середине книги, отдельной главой о двух неполных страницах. Искусственной вклейкой выглядит и глава «Докантовские интерпретации понятия трансцендентального»: непонятно, почему автор выбрал именно докантовское (!) понимание этого термина, а о послекантовском упоминает лишь вскользь. Думается, эта случайность и непродуманность в изложении материала как раз и является следствием невнятности методологии, отсутствия концептуального и контекстуального каркаса.

По этой же причине автору порой просто изменяет чувство исторической корректности. Вот, словно забыв, что сам ограничил исследование первой половиной XIX века, Круглов начинает горячо полемизировать с Павлом Флоренским (с. 409–418). Но ведь антикантианские суждения автора «Столпа и утверждения Истины» делались уже в совершенно ином историческом контексте, на пике влияния в России неокантианства (когда, как писал Андрей Белый, вся философская молодежь «кантианила»), и определялись вполне конкретными задачами борьбы с неокантианцами. Другой пример: защищая первых русских кантианцев, в том числе И.Г. Буле, от критики Шпета, Круглов утверждает, что «шеститомная история философии [Буле], написанная более чем за столетие до историко-философского очерка Шпета, превосходит опус последнего по своему уровню» (с. 185). Но можно ли оценочно сравнивать два исследования, имевших различный предмет (Буле не ис-

следовал русскую философию) и отражавших совершенно разные этапы развития истории философии?

Будем надеяться, что последует второе издание книги, где недостатки первого будут учтены; и по тематике, и по объему уже проделанной работы книга вполне этого заслуживает. Тем более что в предисловии говорится, что эта книга — часть большого проекта и автор планирует отдельное «исследование влияния Канта и его философии на русскую литературу и поэзию» (с. 15–16).

Книга вышла в издательстве «Канон+», которое, как сообщается на его сайте, «специализируется на издании научной гуманитарной литературы по философии, социологии, психологии, истории». Издательство не слишком академичное, но довольно продуктивное, напечатавшее за последние годы немало работ российских и западных философов. Что ж, в отсутствие серьезного специализированного философского издательства — и то хлеб.

Евгений Абдуллаев